

DOI: 10.25178/nit.2026.1.7

Статья

«Горец спотыкается в степи»: миромоделирующая функция вертикали в карачаево-балкарской культуре

Зухра А. Кучукова, Казим К. Бауаев, Асият Р. Борова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье проанализирован высокий уровень соотнесенности горной экосистемы с аксиологемой «вертикаль», проецирующейся на все уровни практической и духовной деятельности жителей гор (high landers). Теоретико-методологическую базу работы составили аналитические труды Г. Д. Гачева и др. ученых. В качестве источников привлечены труды северокавказских краеведов, поэтов, прозаиков, языковедов, литературоведов. Авторы статьи, будучи этнофорами, в ряде случаев обращаются к методу «включенного наблюдения», а также к показаниям целевых информантов.

В результате проведенного исследования воссоздана объективная панорамная картина Северного Кавказа с его геотопографическими параметрами (высота над уровнем моря, горы, водопады). Обозначен высокий фактор детерминации вертикалью многочисленных рукотворных объектов в регионе — башни, альпийские сенокосные угодья, террасные сады-огороды, дома на склоне горы, очажные комплексы, орудия физического труда. Зафиксирована повышенная частотность использования лексемы «тау» (гора) и других орографем (Эльбрус, Казбек, Таулан) в национальных антропонимах, логотипах, торговых брендах. Отмечен уникальный случай «вертикальной» семантической перекодировки арабского слова на карачаево-балкарский целевой термин (таварих — таурух).

Подтвержден императив вертикального художественного мышления балкарских и карачаевских писателей путем сплошной выборки из их произведений астральных, солярных, орнитогенных образов; орографических, асцензиональных, неоромантических и мортальных мотивов, основанных на бинарной оппозиции «низ-верх». На материале депортационной литературы продемонстрирован ярко выраженный «синдром томления по вертикали» северокавказских горцев, оказавшихся в результате депортации в степях Казахстана и Киргизии (1943–1956). Компаративный анализ четырех робинзонических нарративов (арабского, английского, русского и карачаево-балкарского) показывает, что рекордсменом по своему экзистенциальному статусу является исторически достоверный кавказский Робинзон, чей «остров» находится на высоте 2500 м.

Ключевые слова: Космо-Психо-Логос; горный ландшафт; карачаево-балкарский мир; императив вертикали; депортация; *genius loci*; ментальность

Для цитирования:

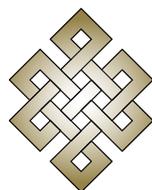
Кучукова З. А., Бауаев К. К., Борова А. Р. «Горец спотыкается в степи»: миромоделирующая функция вертикали в карачаево-балкарской культуре // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 132-150. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.7>

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики Кабардино-Балкарского университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: kuchuk60@list.ru

Бауаев Казим Каллетович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и журналистики Кабардино-Балкарского университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: kazim_bauaev@mail.ru

Борова Асият Руслановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики Кабардино-Балкарского университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: assbora@mail.ru

“The Highlander Stumbles in the Steppe”: The World-Modeling Function of Verticality in Karachay-Balkar Culture

Zukhra A. Kuchukova, Kazim K. Bauaev, Asiyat R. Borova

Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

The article analyzes the high degree of correlation between the mountain ecosystem and the axiologeme “vertical”, which is projected onto all levels of the practical and spiritual activity of highland inhabitants. The theoretical and methodological framework of the study is formed by analytical works of G. D. Gachev and other scholars. As sources, the authors use works by North Caucasian local historians, poets, prose writers, linguists, and literary scholars. Being members of the ethnic group under study, the authors in several cases turn to the method of participant observation, as well as to the evidence of target informants.

As a result of the research, an objective panoramic picture of the North Caucasus has been reconstructed, with its geotopographic parameters (altitude above sea level, mountains, waterfalls). A strong determining influence of verticality on numerous man-made objects in the region is identified, such as towers, alpine hayfields, terraced gardens and vegetable plots, houses on mountain slopes, hearth complexes, and tools of physical labor. An increased frequency of the lexeme tau ‘mountain’ and other orographic units (Elbrus, Kazbek, Taulan) is recorded in national anthroponyms, logos, and commercial brands. A unique case is noted of “vertical” semantic recoding of an Arabic word into a Karachay-Balkar target term (tavarikh – taurukh).

The imperative of vertical artistic thinking in Balkar and Karachay writers is confirmed by continuous sampling from their works of astral, solar, and ornithogenic images, as well as orographic, ascensional, neo-romantic, and mortal motifs based on the binary opposition “bottom – top”. Using deportation literature, the study demonstrates a pronounced “yearning-for-verticality syndrome” among North Caucasian mountaineers who, because of deportation to the steppes of Kazakhstan and Kyrgyzstan (1943–1956), found themselves deprived of their vertical environment. A comparative analysis of four Robinsonade narratives (Arabic, English, Russian, and Karachay-Balkar) shows that the record-holder in terms of existential status is the historically attested Caucasian Robinson, whose “island” is located at an altitude of 2,500 meters.

Keywords: *Cosmo-Psycho-Logos; mountain landscape; Karachay-Balkar world; imperative of verticality; deportation; genius loci; mentality*

For citation:

Kuchukova Z. A., Bauaev K. K., Borova A. R. “The Highlander Stumbles in the Steppe”: The World-Modeling Function of Verticality in Karachay-Balkar Culture. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 133-150 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.7>

KUCHKOVA, Zukhra Akhmetovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Foreign Literature and Journalism, Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: kuchuk60@list.ru

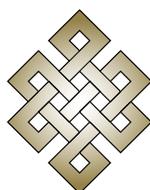
ORCID: 0000-0001-7907-0404

BAUAEV, Kazim Kalletovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head, Department of Russian and Foreign Literature and Journalism, Kabardino-Balkarian University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0647-1295

BOROVA, Asiyat Ruslanovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Foreign Literature and Journalism, Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: assbora@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0079-6956

Введение

Самым важным вкладом отечественного философа, культуролога и литературоведа Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008) в развитие мировой гуманитаристики является созданный им энциклопедический труд «Ментальности народов мира» (Гачев, 2003), в котором описывается специфика мировидения русских, англичан, немцев, французов, греков, итальянцев, американцев, евреев, поляков, грузин, киргизов и др. Но еще большую заслугу ученого определяет установленный и научно обоснованный им триадный закон «Космо-Психо-Логос» (там же: 34), позволяющий современным ученым-этнофорам¹ исследовать особенности ментальных черт собственного народа, проявляющиеся в самых разных областях национальной культуры.

Г. Д. Гачев пишет:

«Искомую национальную целостность я определяю как Космо-Психо-Логос. Подобно тому, как каждое существо есть троичное единство: тело, душа и дух, — так и всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос). В Космо-Психо-Логосе три элемента (уровня) национальной целостности находятся в отношении и соответствия (тождества друг другу), и взаимной дополнительности» (там же: 35).

То, что в гачевской триаде компонент «Космос» располагается на первом месте, свидетельствует о признании автором изначальной детерминированности мыслительных и психических свойств народа ландшафтом (экосистемой, окружающей физической средой). Сам автор на многочисленных примерах показывает специфические особенности этноонтологии (в широком смысле) равнинных, морских народов, степняков, островитян, жителей пустыни, духовная и материальная культура которых во многом оказывается предопределенной, образно выражаясь, «видом из окна».

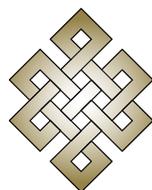
Актуальность данной работы обусловлена необходимостью восполнить информационный объем, связанный с особенностями Космо-Психо-Логоса северокавказских горцев, в частности, карачаевцев и балкарцев, считающихся единым тюркоязычным этносом. *Цель исследования* — доказать, что «вертикаль» как метакод и прасимвол горного пространства спроецирована на все уровни практического и духовного бытия карачаево-балкарского народа. Достижение цели предусматривает последовательное решение следующих *задач*: краткое описание геофизических параметров северокавказского региона; установление доминанты архетипической матрицы *tau* 'гора' в социокультурных номинациях; изучение основных вертикализованных предметов материальной культуры горцев; анализ многожанровых литературных текстов на предмет «императива вертикали»; исследование уровня геосенситивности депортированного горца; сравнение карачаево-балкарского «Робинзона» с его аналогами в мировой литературе; обобщение исследованного материала в заключительной части.

Предмет исследования — предопределенный горным ландшафтом императив вертикали, отраженный в объектах материальной и духовной культуры коренных горцев Северного Кавказа — тюркоязычных балкарцев и карачаевцев.

Материал исследования — орография Северного Кавказа, плавно перешедшая из географической сферы в сферу художественных текстов. Среди них — нартский эпос, лирика выселения, фольклор, произведения И. Семенова, К. Мечиева, К. Кулиева, Т. Зумакуловой, А. Бегиева, Б. Лайпанова, Б. Берберова, Х. Джаубаева, Х. Батырбекова, С. Мусукаевой, М. Кучмезовой, М. Табакоева, И. Узденовой, А. Чеченова и др. *Genius loci* 'гений местности' — так можно именовать каждого упомянутого автора, поскольку он описывает свой индивидуальный конкретный локал, а не абстрактную горную республику.

Теоретико-методологическая основа работы. В формировании общей научной концепции статьи решающую роль сыграл труд философа, культуролога и литературоведа Г. Д. Гачева «Ментальности народов мира» (Гачев, 2003), где задан общий алгоритм изучения «национальных вариантов инварианта бытия» (там же: 539). Междисциплинарный характер предложенной статьи обусловил обращение к трудам И. И. Митина (Митин, 2004) и Д. Н. Замятина (Замятин, 2010), наряду с учетом понятий «гуманитарная география», «геоэстетика», «геопоэтика», «genius loci». При исследовании вопросов, связанных с этнопоэтикой, мы учитывали ценные наработки современных ученых. Сре-

¹ Этнофор — «индивид как представитель этнической общности (этноса), несущий в себе культуру своего народа, представляющий окружающим характерные черты его поведения, речи, быта, традиций» (Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 478).

ди них — близкие нам по тематике труды Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2018), У. М. Бахтикиреевой и ее коллег (Бахтикиреева, Шагимгереева, Амалбекова, 2023), Э. Ф. Шафранской, Г. Т. Гариповой, Н. Ж. Шаймерденовой (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024). В основу исследования положена комплексная методология, включающая в себя элементы пространственного (спатального), историко-культурного, сравнительно-сопоставительного, семиотического, этноонтологического и компонентного анализа.

Источниковую базу составляет совокупность материалов, включающих в себя монографии и научные статьи по литературоведению, языкознанию, этнографии, архитектуре, краеведению; фотоальбомы, интервью, художественные тексты карачаево-балкарских классиков и современных писателей, в том числе, впервые вводимые в научный оборот.

Вертикаль как геофизическая категория

Начнем с геофизических характеристик северокавказского региона, который в первую очередь ассоциируется с высокими горными массивами, простирающимися от Черного до Каспийского моря. Как отмечают краеведы, «из семи пятитысячников (вершин, превышающих 5000 метров над уровнем моря) Кавказа, шесть (за исключением Казбека) находятся на территории Кабардино-Балкарии (далее — КБР): Эльбрус (5642 м), Дых-тау (5204 м), Коштан-тау (5151 м), Шхара (5068 м), Джанги-тау (5085 м), Пик Пушкина (5100 м), а также Мижирги (5022 м) — горная вершина, входящая в структурный комплекс «Безенгийской стены» (Котлярова, Шогенова, 2006: 10).

Тюркоязычные Карачай и Балкария, коренными жителями которых являются карачаевцы и балкарцы, располагаются по двум сторонам Эльбруса (*Минги-тау*), преимущественно занимая горные и предгорные территории. Не без доли шутки местные жители, ссылаясь на эффект пространственного сжатия, любят подчеркнуть необъятную площадь своих земель, которые «просто взметнулись к небесам, но если их расправить, то получится огромная страна». На родном языке фраза звучит следующим образом: «*Бизни жерлерибиз кёкге бийик кётюрелгендиле, алай аланы тюзетсенг, бек уллу кзырал боллукьду*». В целом горы занимают свыше 60% территории КБР, образуя пять параллельно расположенных хребтов, в народе именуемых как *Агъачлы* 'Лесистый', *Жайлыкъ* 'Пастбищный', *Акъ-Къая* 'Скалистый', *Сыртлы* 'Боковой', *Эм Башы* 'Главный'.

Орографические исследования показывают, что многие сельские поселения Карачая и Балкарии находятся на горных высотах, превышающих отметки в 1500 м над уровнем моря. Рекордсменом по высокогорности официально считается сел. Булунгу, расположенное на высоте 1588 м на расстоянии 75 км от г. Нальчика. Абсолютная же величина антропогенной высоты на земле карачаевцев и балкарцев составляет 3500 м, если учесть месторасположение поднебесных сенокосных угодий, животноводческих кошар, альплагерей, туристических баз, колесных и пеших перевалов из одного ущелья в другое.

В контексте нашего исследования считаем уместным привести слова литературоведа Р. А. Кучмезовой: «Жителям равнины, любующимся и даже любящим горный ландшафт для того, чтобы овладеть необходимыми знаниями, навыками, духовной структурой, задаваемыми условиями высокогорья, необходима жизнь нескольких поколений. Речь идет не о сенокосе на склоне, за восхождение на который туристам присваивается первый разряд, не о каменном участке земли, должном плодоносить, а о гармоничном, полноценном сосуществовании человека и гор» (Кучмезова, 2012: 182).

Георгий Дмитриевич Гачев, увлекавшийся горным туризмом, неоднократно бывал в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Соединяя физическое с метафизическим, он восхищался не только величием снежных вершин, но и фоносемантической красотой их названий. В дневниковых записях от 15 июля 1980 г. ученый пишет:

«Орлиный клекот в горле — это я звучностью названий очарован, карту разглядывая. Кичкинекол, Джаловчат, Чипер-Азау, Кюркютлю-кол-башы. Звучность — как у индейских названий, которыми в «Песне о Гайавате» упиваются поэты: «Оджибуэи», «Шух-Шух-га», «Навадага», «Гитчи Манито». А нынешний Логос — что может придумать взамен? — «Высота 4 тысячи 213»? Или «Пик Иванова»? А как расправляются с древними поэтическими смыслами, переименовывая с легкостью? Джантуган, Бжедух, Уллу-тау-чана! Койавган-ауш — ледник! Сочини-ка ты, нынешний ум, такое!» (Гачев, 1995: 379).

Отдельно следует сказать о водопадах. У большинства людей вода ассоциируется с горизонталью, ее плавным течением по ровной земной поверхности. Однако для жителя гор «вертикальная»

вода — привычное явление, если учесть, что на Северном Кавказе количество водопадов, разных по конфигурации, высоте, каскадности, исчисляется сотнями. Перечислим лишь некоторые из них с указанием вертикального метража: «Большой Зейгалан» (648 м), «Пшехский водопад» 165 м), «Софийский водопад» (90 м.), «Гедмишх» (60 м), «Чегемские водопады» (30 м.), «Каракая-Су» (30 м), «Алибекский водопад» (25 м), «Салтинский водопад» (20 м), «Девичьи косы» (20 м), «Медовые водопады» (18 м).

Для того, чтобы увидеть детерминацию аксиологемой «вертикаль» геофизических объектов Кабардино-Балкарии, достаточно открыть популярный в регионе справочник-путеводитель и посмотреть в «Содержании» формулировку глав: «Пирамидальная гора», «Танцующие камни», «Сталактиты, растущие из земли», «Песчаные замки Джылы-су», «Памятники кавказского трудолюбия» (о террасных садах), «Антенны Когутая», «Уллу-тау» — «Мать-гора», «Менгиры» (вертикально врытые в землю длинные камни с контурами человеческого лица), «Немецкий аэродром», «Замки Актопрака», «Гюдюр-гю — селение крепость», «Эльтюбю и Греческая лестница», «Заоблачное поселение», «Безенгийский ледник»¹. В частности, выраженной вертикальной ритмикой отмечен горный пик Ййне (*фото 1*), название которого в переводе с карачаево-балкарского языка означает «игла».

*Фото 1. Пик Ййне. Фото из архива Р. Г. Горбунова, 2025 г.
Photo 1. The Peak Needle. Photo from the archive of R. N. Gorbunov, 2025.*

¹ Котлярова М. А., Котляров В. Н. Кабардино-Балкария: 100 чудес, больших и маленьких. Справочник-путеводитель. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2024.

Матрица «тау» в социокультурных номинациях

В данном разделе в краткой форме перечислим те лексические единицы, в ядре которых отпечатан культ гор в виде короткого слова *тау* 'гора'.

В первую очередь, это исторически сложившееся самоназвание (эндоэтноним) балкарцев *таулу*, буквально означающее 'горец', т. е. «живущий в горах». Тот же корень *тау* встречается в антропонимах; в следующих женских и мужских именах: *Таубийче* 'горная княгиня', *Таужан* 'горная душа', *Таулан* 'горный юноша', *Таукан* 'горная кровь', *Таусолтан* 'горный султан', *Таубий* 'горный князь', *Тауболат* 'горная сталь', *Таука* 'горочка', *Таубатыр* 'горный богатырь', *Таубек* 'высокая гора'.

В карачаево-балкарском языке есть некоторые феноменальные явления, которые без учета горского компонента невозможно понять. К примеру, период с 25 июня по 16 июля в народном календаре называется *Бузчачар ай*, что в дословном переводе означает 'месяц, который растапливает ледники'. Жителю плоскогорья, привыкшему созерцать процесс активного снеготаяния в марте, покажется довольно странной и неуместной такая номинация середины лета. Но в этом и заключается специфичность календаря северокавказских горцев, где отображены климатические законы альпийских высот, которые не совпадают с равнинными.

Императив вертикали проявляется во всех областях бытия горцев, в том числе, и в выборе профессии. Любопытно, что в сферу теоретической и прикладной космонавтики попал выходец из числа северокавказских горцев, балкарец по национальности, Тимур Магомедович Энеев (1924–2019) — астрофизик, академик РАН, который на протяжении многих лет занимался разработкой методов расчета орбит спутников по данным траекторных измерений. Этот факт сам по себе интересен. Российский (советский) космонавт Георгий Гречко (1931–2017) в своих воспоминаниях отмечает, что отечественные космонавты в разные годы использовали позывные «Кавказ», «Эльбрус», «Чегет», «Терек», «Дербент» в знак дружбы с Тимуром Энеевым¹.

Вертикальная номинативная стратегия естественным образом срабатывает и при подборке названий культурных объектов, торговых марок, всевозможных логотипов в регионе. Лидирующую позицию в этом плане занимает «Эльбрус» — высочайшая вершина Кавказа. Перечислим эти объекты:

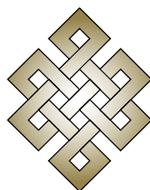
- республиканское издательство «Эльбрус»,
- фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид» (имеется также и сайт с аналогичным названием),
- санаторий «Эльбрус»,
- ресторан «Эльбрус»,
- отель «Эльбрусия»,
- бутилированная питьевая вода «Elbrussia» и др.

Аналогичным образом определены и многие другие горные вершины. Еще один любопытный пример. С 2013 г. на базе российских университетов стали открываться своего рода ярмарки научно-творческих проектов с единым названием «Точка кипения». В Кабардино-Балкарском государственном университете одновременно открылись три «точки», которым тут же по решению руководства, были присвоены следующие орографемы — названия Эльбрус на разных языках: «Эльбрус» (русскоязычное), «Ошхамахо» (кабардино-черкесское) «Минги тау» (карачаево-балкарское).

Кавказские горцы настолько дорожат кодовым словом *тау* 'гора', что в ряде случаев могут сходное по звучанию иноязычное слово включить в свой лингвистический арсенал и использовать его для номинологических нужд. Именно такой случай межкультурной интерференции, связанный с термином *таурух*, отмечен литературоведом А. И. Караевой. Она пишет:

«Карачаево-балкарское слово “таурух” в переводе на русский язык означает “горская история”, в широком смысле — “повествование”. Произошло своеобразное переосмысление арабского слова “таварих” (история): первая часть его горцами стала восприниматься как “тау” (гора). Отсюда “таурух” — горская история» (Караева, 1966: 126).

¹ Кучмезова Р. А. Планета имени Энеева. Как балкарский ученый сделал сенсационные космические открытия [Электронный ресурс] // Это Кавказ. 2025, 11 апреля. URL: <https://etokavkaz.ru/nauchnyi-podkhod/planeta-imeni-eneeva-kak-balkarskii-uchenyi-sdelal-sensatsionnye-kosmicheskie-otkrytiya> (дата обращения: 29.06.2025).

Приведенные факты показывают высокую степень приверженности северокавказских горцев использовать в разносистемных именовании символику орографических объектов.

Вертикаль в объектах материальной культуры

В данном разделе наша задача показать, как вертикальная ритмика горной системы предсказуемым образом проецируется на артефакты этнокультуры, под которыми подразумеваются «созданные людьми предметы, вещи, орудия труда, одежда, хозяйственная утварь, жилище, дороги»¹.

Жилище. Начнем с дома. Художник и архитектор Э. Б. Бернштейн в своей иллюстрированной книге «Архитектура балкарского народного жилища» (Бернштейн, 1993), отмечая фактор производности горской сакли от рельефа местности, пишет: «В Балкарии предпочитали строить так, чтобы хоть одну заднюю стену жилища составил вертикальный срез скалы, как наиболее надежная опора для перекрытия. словно человек еще не решился окончательно оторваться от той среды, которая была для него привычна, когда жилищем являлась пещера, найденная или вырубленная в массиве самой скалы» (там же: 5). Скала задает свою вертикальную ритмику и полу-рукотворному горскому дому, который в свою очередь подчиняет себе все остальные конструкции во главе с центральным «столбом-отцом» и другими опорными, несущими элементами.

Степень слитности горских домовладений с окружающей природой настолько высока, что они кажутся естественными социобиогенными напластованиями на «теле» горы. Максимальная геометрически выверенная гармоничность достигается тем, что крыша нижестоящей сакли становится двором для вышестоящей, и так по цепочке почти до вершины горы (холма) тянется горный аул. Подобный многоступенчатый облик северокавказских горных селений породил метафорические определения — «лестница в небо», «летающий аул», «птичьи гнезда». В контексте последнего образного сравнения следует обратить внимание на созвучие в карачаево-балкарском языке слов *уй* 'дом' и *уя* 'гнездо птицы'. Здесь считаем уместным процитировать отрывок из «очень ландшафтного» стихотворения Мелани Нагель, посвященного аварскому художнику Халилбеку Мусаясулу: «На Кавказе движение чаще всего возвышение. // Крыша над крышей — ступени к небу!» (цит. по: Султанов, 2022: 177).

Ниже представлены две характерные фотографии: на первой отображен реальный облик «летающего» высокогорного аула Кюнлюм в Кабардино-Балкарской Республике (*Фото 2*), на второй — тот же аул, выполненный, по словам современной балкарской художницы Асият Абаевой, в стиле импрессионизма (*Фото 3*).

Башня — еще один артефакт, который определяет вертикализированную структуру северокавказского Космоса. По своему целевому назначению башни подразделялись на фамильно-родовые, жилые, сторожевые, полубоевые, боевые, но по понятным причинам, все они по сути своей являлись «трансформерами»: в экстремальный момент вражеских набегов каждая из них усиливала свой оборонительный, фортификационный потенциал.

Интересные образцы древней башенной архитектуры можно на сегодняшний день обнаружить во всех горных районах Северного Кавказа. Среди них — «Никарой», «Хой», «Моцарой», «Эткали», «Дёре», «Башня имама Шамиля», «Башенный комплекс Гоор», «Ицари», «Адиюх», «Кызыл-Кала», «Мамия-Кала», «Дзивгисская наскальная крепость», «Башня Аликовых», «Башня Абисаловых», «Башня кровников», «Вовнушки», «Эрзи», «Эгикал», «Таргим». Регион в целом богат оригинальными по изобретательности башенными сооружениями. В статье искусствоведа Ж. М. Аппаевой с примечательным названием «Абай-Кала» (*фото 4*) как этномаркировка вертикали» (Аппаева, 2021: 24–31) на примере одной верхнебалкарской башни проводится расследование вопросов, связанных с выбором места возведения подобных архитектурных объектов, техническими характеристиками, световыми, цветовыми, стилистическими решениями, а также отражением процесса строительства в фольклорных источниках. Как отмечает автор, «башня Абай-Кала имеет местный балкарский характер, прямых аналогий в архитектуре других кавказских этносов нет» (там же: 25).

¹ Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2013.

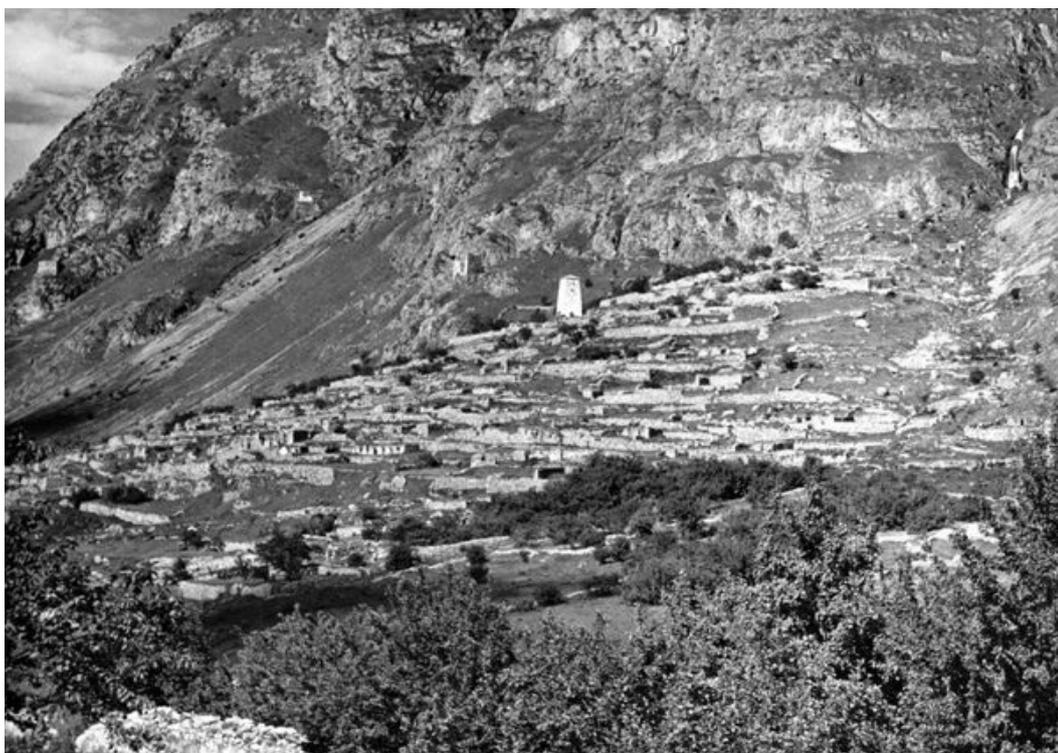
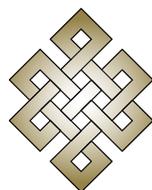

Фото 2. Селение Кюнлюм. Фото из архива Х. Л. Османова, 2008 г.
Photo 2. The village Künlium. Photo from the archive of Kh. L. Osmanov, 2008.

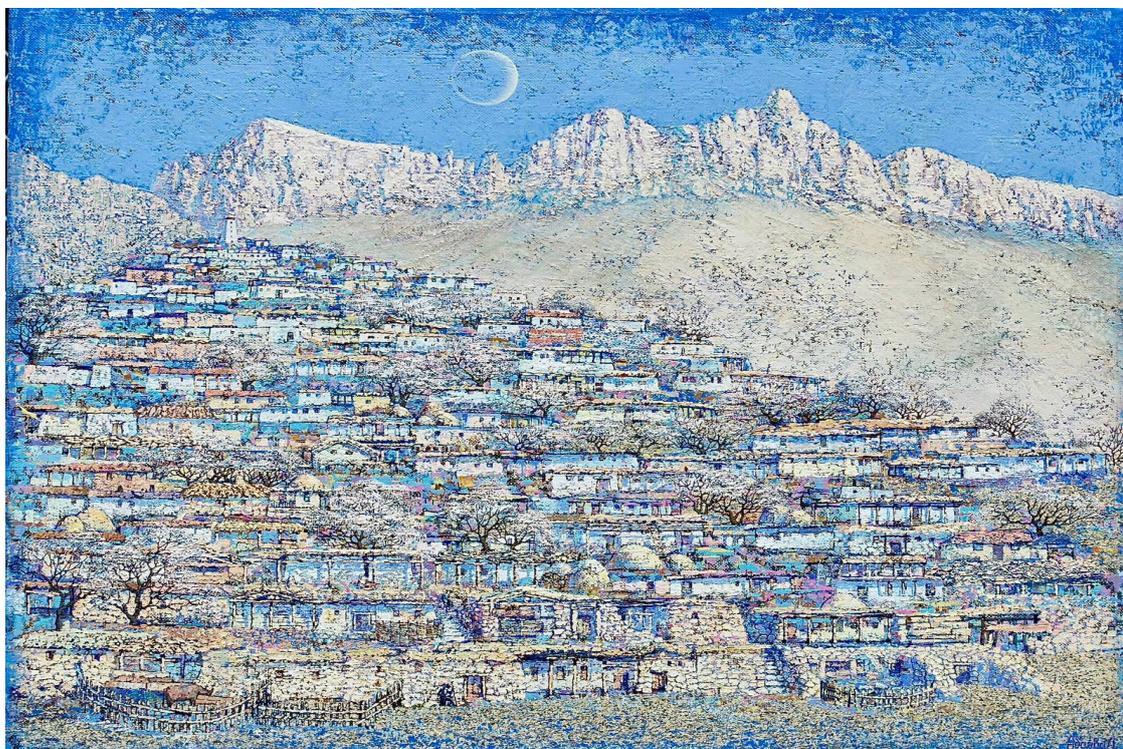

Фото 3. Фрагмент картины А. В. Абаевой «Верхняя Балкария. Кюнлюм. Новолуние».
Фото из личного архива А. В. Абаевой, 2017 г.
Photo 3. Fragment of A. V. Abayeva's painting "Upper Balkaria. Kunlum. The new moon".
Photo from the personal archive of A. V. Abayeva, 2017.

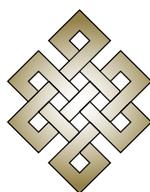
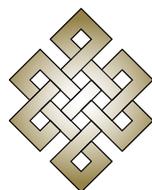

Фото 4. Родовая башня «Амирхан-Кала». Фото из личного архива З. А. Кучуковой, 2018 г.
Photo 4. The ancestral tower "Amirkhan-Kala". Photo from the personal archive of Z. A. Kuchukova, 2018.

Фото 5. Родовая башня Абаевых. Фото из личного архива Ж. А. Шогеновой, 2010 г.
Photo 5. The ancestral tower of the Abayevs. Photo from the personal archive of Zh. A. Shogenova, 2010.

Другой уникальный объект — «Амирхан-кала», представляющий собой рукотворное органическое продолжение огромного каменного валуна вверх по направлению к небесам (*фото 5*).

Сады. «Висячие сады Семирамиды»¹ навсегда вошли в историю мировой культуры как одно из чудес света. Но на самом деле за этим чудом стоит вполне реальная практика террасного земледелия, имевшая в прошлом широкое распространение у всех горских народов, в том числе, и на Северном Кавказе. Людями с высокой экологической культурой можно назвать горцев, которые в условиях малоземелья умудрялись на горных склонах выдалбливать узкие полосы, снизу таскать почву наверх, деревянными скобами закреплять ее на теле горы, и на образовавшихся «ленточных грядках» высаживать фруктовые деревья, злаковые растения, овощи. Искусственные каналы, акведуки были также частью биоинженерной технологии. Следы такого рода древних сельскохозяйственных «амфитеатров», полукругом опоясывающих гору, и сегодня можно увидеть в альпийских зонах северокавказских республик.

Как память о террасном земледелии в верхнебалкарском диалекте карачаево-балкарского языка навсегда зафиксировалось слово *тахта* в значении '*грядка на склоне горы*'. Любопытный лингвистический факт: если северокавказский горец-огородник XXI века в совершенно иных геофизических условиях, на гладкой поверхности земли, соорудил себе ровенькую грядку, он все равно по инерции, по старой привычке будет называть ее *тахтой*, не взирая на изначально содержащийся в данной номинации «вертикальный» смысловой компонент. Впрочем, нельзя сказать, что каскадные, многоуровневые сады-огороды канули в прошлое, они возрождаются. Об этом можно судить по трудам современных кавказских ученых, разрабатывающих новые методы «освоения склонов способом террасирования»².

Предметный мир. По образу и подобию гор архаичный кавказец создавал многие предметы бытовой культуры. Прежде всего, обращает на себя внимание вертикальное устройство очажного комплекса в интерьере жилища, в центре которого располагается большой чугунный котел на металлической цепи, верхний конец которой привязан к самой высокой точке сакли. Эта главная вертикаль в доме ритмически поддерживается опорными и факультативными столбами, расставленными как вокруг очага, так и по периметру помещения.

Горизонтальные ниши и полочки (*танкала*), конечно, также имелись в доме горца, но основную упорядочивающую функцию все же выполняли турьи рога и гвозди, прибитые к столбам, на которых в подвешенном состоянии хозяева сушили мясо (*кэакэ эт*), лекарственные травы, хранили оружие, орудия труда, всевозможные съестные припасы в холщовых мешочках.

Ёре талкзы 'вертикальный станок для обработки шкуры животного' — один из показательных инструментов, идея которого могла зародиться как результат практического опыта горца. В настоящее время его можно увидеть только среди музейных экспонатов. Но авторы данной статьи еще застали времена (1970–1980 гг.), когда скорняк в сел. Верхняя Балкария высоко к столбу подвешивал полусухую овечью или бычью шкуру и по ее изнаночной стороне тысячекратно проводил зубчатой стороной «вертикального станка», пристегнутого к его правой ноге, держась левой рукой за специальный поручень. С высоты сегодняшнего дня описанный способ кажется донельзя иррациональным, но для панвертикального северокавказского Космоса он был абсолютно органичен.

В том же логическом ряду находится и горское веретено *урчук*, которое сильно отличается от своего русского аналога. Суть русского веретена определяется солярным знаком («солнце»), ориентирующим мастерицу концентрическими кругами наматывать вытянутую шерстяную пряжу на деревянный барабан. Концепция же горского (карачаево-балкарского) *урчука* (*фото 6*) основана на вертикальных движениях человеческих рук (вверх — вниз), методично вытягивающих из шерстяного «облачка» окультуренную нить, наматываемую на тонкую рукоять оборудования.

Многие инструменты хозяйственного назначения у кавказцев напрямую скопированы у природных явлений. Особенно впечатляющим в этом плане является *жюн таракъ* — приспособление для чесания овечьей шерсти, то есть изготовления ровниц для последующей операции, связанной с пряжей. Традиционная чесалка представляет собой две диагональные дощечки, подогнанные друг к

¹ Висячие сады Семирамиды — инженерное сооружение в Вавилоне с каскадом многоуровневых садов.

² См. напр.: Бозиев Т. Х. Условия земледелия и выращивания культур на террасированных склонах горной зоны КБР: автореф. дисс. ... канд. с/х. н. Владикавказ, 2009.

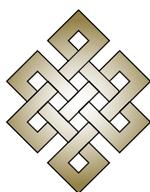

Фото 6. Урчук — веретено для прядения шерсти.
 Фото из личного архива З. А. Кучуковой, 2025 г.
 Photo 6. Urchuk — a spindle for spinning wool.
 Photo from the personal archive of Z. A. Kuchukova, 2025.

Фото 7. Жюн таракъ — инструмент для расчесывания шерсти.
 Фото из личного архива С. М. Тубеевой, 2025 г.
 Photo 7. Jun tarak — a tool for combing wool.
 Photo from S. M. Tyubeeva's personal archive, 2025

другу и увенчанные сверху частоколом из острых зубьев в несколько рядов. Основание треугольника составляет горизонтальный (фундаментальный) деревянный брусок, твердо покоящийся на земле.

На фото 7 видно, что внешний облик инструмента является уменьшенной копией монолитной горы. Легко себе представить, как горец изо дня в день наблюдал за природным явлением, когда облака собирались на вершинах горных круч, скальных выступах и вскоре рассеивались-расчесывались движениями ветров, превращаясь в чистую «материю». Думается, так и была изобретена горская чесалка для шерсти.

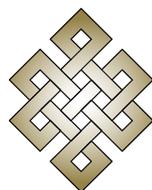
Проведенный анализ показывает, что сакли, башни, очажные комплексы, инструменты для обработки шерсти (кожи), террасные сады и огороды органично вписаны в вертикальную структуру национального космоса.

Отражение вертикали в песенной культуре и в литературе

Гимн. Литературный раздел нашей статьи считаем целесообразным начать с гимнографического жанра. Дело в том, что у каждого народа в художественном арсенале имеется официальный или неофициальный гимн, т. е. «торжественная песнь, прославляющая единство и мощь государства и ставшая, наряду с государственным флагом и гербом, важнейшим элементом державной символики»¹. В карачаево-балкарской культуре в качестве национального гимна давно зарекомендовал себя песенный текст одического типа, сочиненный в 1920 г. Исмаилом Семеновым (1891–1981). Им же подобрано и музыкальное сопровождение к тексту.

Песня называется «Эльбрус» на русском языке, «Минги тау» — на карачаево-балкарском, что означает «Лучшая гора из тысяч». Весь текст написан от первого лица, от коллективного «мы», как народное обращение к главной горе Кавказа. Вертикализованная ритмика задана тексту с самой первой строфы:

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 179.

Сен кёкге джете мийиксе
Ууакъ таулары ичинде.
Мияла кибик джылтырай,
Къанга бузларынг юсюнде.

Ты — высокая, доходишь до небес,
Посреди других маленьких гор.
Ледовые пластины на Тебе
Как стекло блестят¹.

Орографический объект изображается И. Семеновым как некий центр мироздания, упорядочивающий жизнь людей, животных, растений, минералов и первичных элементов. «Вы видели гору, у которой верхушка — зима, пояс — весна, а подножье — лето?»², — автор задается риторическим вопросом. Гора «повелевает» стихиями, обеспечивает оптимальный температурный режим, кормит-поит не только людей, но многочисленных животных и птиц. Магнетическое притяжение горы подчеркивается перечислением огромного количества зооморфных образов — лошади, золоторогие туры, косули, тигры, львы, медведи, волки, лисы, зайцы, овцы, барсуки, вороны, орлы, чайки, павлины, воробьи, журавли. Всех гора обеспечивает чистым воздухом, лечебной минеральной водой, пищей, рассветами, закатами, правильной расстановкой климатических и суточных циклов. Своей тонкой музыкальной инструментовкой и внешним обликом (днем — серебряная, ночью — золотая) гора всем напоминает о грядущих переменах бытия. Минги тау представлен и как духовный наставник горцев, которые ежедневно берут у вершины уроки «вертикали духа и тела».

По художественной версии И. Семенова, центральная гора Кавказа обладает большой притягательной силой. В этой связи следует отметить народную этимологию орографемы «Эльбрус»: *Эльбуруш* — ‘гора, которая разворачивает к себе поселения людей’. Кстати, данная мысль встречается и в четверостишии А. Бегиева:

«Горец! Даже когда судьба тебя бросила в степь — бескрайнюю, ровную, голую — ты, если дом возводил, обращал его окна к горам!»³

Здесь любопытно привести признания двух современных кавказских горцев об их отношении к «плоской» земле. В личной беседе с нами балкарец Ж. К. рассказал, что ему «довелось служить в средней полосе России. Мне, спортсмену, сама армейская служба не доставляла особых сложностей, но глазам было тяжело постоянно видеть слишком ровную территорию без единой горы, без единого холмика. Я реально страдал от этого»⁴. Карачаевец А. Б., с горной местности переехавший в столицу России — Москву, признался, что «при покупке квартиры сразу отказался от слишком равнинных районов, поскольку психологически не мог бы жить там, где из окна не видны возвышенности, радующие глаз»⁵.

Эпос. Эпический памятник «Нарты», являющийся культурным достоянием нескольких народов Северного Кавказа, имеет отчетливо выраженные знаки вертикального художественного мышления. Согласно карачаево-балкарской версии эпоса, первочеловек, помещенный во внутреннюю полость синего камня, космическими силами был доставлен в центральную часть кавказских гор. Имя его — *Ёрюзмек*, что в переводе с тюркского означает ‘Частица Высоты’ (*ёр* — ‘высота’; *юзмек* — ‘частица’, ‘осколок’). Символично, что первым его на земле (в горах) приветствует орел — ‘птица, способная смотреть на солнце, не мигая, и взлетать на недоступные взору человека участки неба»⁶.

Герои нартского эпоса проявляют неизбывное желание подражать птицам. Об этом более всего можно судить по такому экстравагантному, не имеющему аналогов в европейской поэзии образу, как *къуш къап*, под которым подразумевается полностью «снятый с орла и надетый на человека скальп с оперением»⁷.

¹ Семенов И. У. Минги Тау (Эльбрус). Зикиры, песни, воспоминания. М.: Эльбрусоид, 2014. С. 192. (На карач.-балк. и русс. яз.). Подстр. перевод З. А. Кучуковой.

² Там же. С. 194.

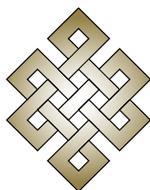
³ Бегиев А. М. Слово: Книга стихов: перевод с балк. Г. Яропольский. Нальчик: Эльбрус, 1986.

⁴ Архив З. А. Кучуковой.

⁵ Там же.

⁶ Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н. А. Истомина. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2003. С. 605.

⁷ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А. И. Алиева. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 319.

Поэзия. В традиционных гуманистических учениях жизненный путь человека представляется как линейно-горизонтальное движение вперед. У горцев — иное. Судя по текстам северокавказских поэтов, лирические герои, как правило, траекторию своего индивидуального бытия изображают в виде диагонального или почти вертикального восхождения на вершину холма или горы. «Восхождение» («Ёрлеу») — так называется программное стихотворение Кайсына Кулиева (1917–1985), где весь жизненный сценарий индивида концептуализирован как многотрудный подъем на горный пик. Философская идея стиха подкреплена богатым, визуализированным арсеналом природно-стихийных образов («камнепады», «снежные бураны», «лютый ветер», «ледовые трещины», «обвалы», «пропасти»), призванных подчеркнуть сложность процесса горвосхождения. При этом, человек не атома-рен, он в единой связке с друзьями, соплеменниками. Весь стих пронизан рефренным двустийшем «Жизнь — восхождение, // Восхождение на гору!»¹

Одним из самых «вертикальных» произведений в отечественной поэзии по праву можно считать автобиографическое стихотворение основоположника карачаево-балкарской поэзии Кязима Мечиева «Серый камень», написанное им по пути из Мекки на родину в 1910 г. Приведем текст целиком в подстрочном переводе З. А. Кучуковой:

*Къонгур таш къаядан тюшюп,
Ташлы терен къолда жатад,
Энди кеси къаясына
Къайтыр амалы къалмад.*

*Аллах! Мени таш окъун эт,
Алай туугъан от жагъама
Къайтармагъанлай къойма,
Къайтар сен тауларыма².*

Серый камень, сорвавшись со скалы,
В каменистом ущелье лежит.
Теперь к своей скале
Вернуться он не сможет.

Аллах! Хоть в камень меня преврати,
Но к родному очагу моему
Непреренно верни,
Верни меня к моим горам³.

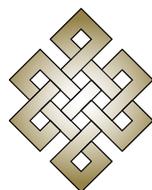
Главная особенность стиха в данном случае заключается в диссонансе между историко-географической реальностью и художественной правдой. Дело в том, что на самом деле Кязим Мечиев (как и его лирический герой) держал путь из Ближнего Востока в сторону Северного Кавказа строго по горизонтальному вектору. Но при первой же его попытке перевыразить тему возможной трагической разлуки с родиной из-за внезапной болезни, горизонтальная действительность в сознании поэта поворачивается на 90 градусов и приобретает вертикальный характер с четко обозначенными контекстуальными антонимами «верх — низ», «утес — бездна», «остаться — вернуться», «очаг — чужбина». Анализируемое стихотворение представляет большой интерес с точки зрения психологии творчества, поскольку оно отчетливо показывает, что пространственные архетипы от поколения к поколению транслируются на бессознательном уровне и их культурный смысл залегает намного глубже индивидуального опыта человека.

В карачаево-балкарской литературе сложилась целая плеяда художников неоромантического толка, которые весь мир изначально делят на категории «верх» и «низ», «небесное» и «земное». Среди них Али Байзуллаев, Мурадин Ольмезов, Светлана Моттаева, Назифа Кагиева, Билал Лайпанов, Юсуф Созаруков, Муталип Беппаев, Ахмат Созаев, Аскер Додуев, Ибрагим Бабаев, Азрет Акбаев, Альберт Узденов с их пристрастием к солярным, астральным и орнитоженным образам. Об этом свидетельствует простое перечисление названий их сборников и ключевых произведений — «Полная луна», «Солнце», «Синие горы Кавказа», «Крылатая заря», «Крылатый мой Эльбрус», «Эльбрус — белокрылая птица», «Летающие окна», «Даровавший крылья», «Полярная звезда», «Одинокая звезда», «Звездные стада», «Падучие звезды», «Журавли», «Соловей», «Журавлиное ущелье», «Ангелы и люди», «Скалолазы» и др. По нашему мнению, если объединить все их произведения в единый гипертекст, то лейтмотивом будет фраза *Кетдим сизден таулагъа* 'Ухожу от вас я в горы'. Чеканное рифмован-

¹ Кулиев К. Ш. Жизнь — восхождение. Стихотворение // Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1935–1961). С. 557.

² Мечиев К. Б. Собрание сочинений: в 2-х т. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 1. Стихотворения и поэмы. С. 340.

³ Подстр. перевод З. А. Кучуковой.

ное двестишие Назира Хубиева «Баргъанча кийик, ёрлейме мийик»¹ («Двигаюсь как тур, стремлюсь к высоте») практически стало народной поговоркой и воспринимается как этнокультурный код балкарцев и карачаевцев.

Для поэтики Сакинат Мусукаевой (р. 1957) характерно противопоставление понятий «город и горы», в частности, впечатляет стихотворение «Я всматриваюсь в твое горское лицо», где лирическая героиня под цивилизационными наслоениями собеседника-горожанина различает архетипические черты коренного горца². Этнографические стихи Марьям Кучмезовой (р. 1953) интересны описанием вертикальных предметов материальной культуры горцев. В качестве примера приведем одну из характерных строчек:

*Бннам, чорбатха минип,
Урчугун кызыу катлайды³*

Моя бабушка, взобравшись на чердак,
Урчуком прядет шерстяную нить⁴.

Карачаево-балкарские поэты упражняются и в сочинении специфических визуальных стихов, где акцент сделан на астральных или орографических буквенных знаках. К примеру, Мухтар Табаксоев (р. 1959) создал оду⁵, посвященную созвездию «Жетегейле»⁶. Оригинальность текста заключается в том, что автор саму графику буквы Ж обыгрывает как знак звезды и, используя прием аллитерации, многократно повторяет букву в словах разных частей речи: *жети* 'семь', *жан* 'гори', *жыл* 'год', *жол* 'дорога', *жангы* 'новый', *жел* 'ветер', *женгил* 'легкий', *жыр* 'песня', *жомакъ* 'сказка', *жер* 'земля', *жан* 'душа', *жаннет* 'рай', *жанкъоз* 'подснежник', *жаз* 'лето', *жууукъ* 'близкий', *жазыу* 'письмо', *жууап* 'ответ', *жангыз* 'одинокий', *жюрек* 'сердце', *жара* 'рана'. По идее, фоносемантикой стиха, инкрустированного «звездной» буквой «ж», светом созвездия «Жетегей» излечивается раненая душа лирического героя.

Не менее оригинален и экспериментальный стих Абдуллаха Бегиева (р. 1950), который в геометрических линиях самой буквы М различает очертание священной для горцев двухглавой вершины Минги тау и поет ей оду⁷.

Таукел — один из ключевых культурных кодов в карачаево-балкарской литературе. Буквальный перевод данного двухкомпонентного слова — 'душа как гора'. В зависимости от контекста слово может быть истолковано как «апофеоз хорошего настроения», «пик творческого вдохновения», «готовность совершать большие дела». Весь данный смысловой комплекс вложен в стихотворение М. Табаксоева, посвященное Алимю Газаеву — современному талантливому исполнителю карачаево-балкарских народных песен⁸.

В рамках абсолютизации вертикали написано стихотворение Хусея Джаубаева (1936–1991) «Ёртин кюейик» («Сгорим стоя»). По сюжету, деревья в лесу рассуждают о надвигающейся старости и об альтернативе: «стать метлой для двора» или «стоя сгореть, напоследок еще раз очистив воздух»⁹. Императив вертикали склоняет героев ко второму варианту.

У кавказских горцев популярна детская игра «Хойнух». Суть ее заключается в том, что деревянный волчок на тонкой ножке ставят на ровную поверхность и периодически подбивая кнутом, заставляют его постоянно вертеться вокруг оси, не давая упасть. В стихотворении Х. Джаубаева «Бурулады хойнух» («Хойнух кружится») лирический герой, страдающий из-за безответной любви, наблюдая за игрой детей в «вертящуюся вертикаль», излечивается от депрессивного состояния.

¹ Хубиев Н. А. Джашил дуня [Светлый мир]. Стихи Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973. С. 64. (На карач. яз.).

² Мусукаева С. А. Юрген кийик [Пугливая лань]. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 197. (На карач.-балк. яз.).

³ Кучмезова М. Ч. Голос сердца: стихотворения. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 16. (На карач.-балк. яз.).

⁴ Подстр. перевод З. А. Кучуковой.

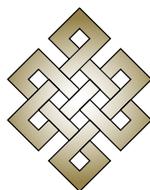
⁵ Табаксоев М. Х. Чарх оюн [Игра с колесом]: Стихотворения, поэма. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 237. (На карач.-балк. яз.).

⁶ Карачаево-балкарское название созвездия «Большая Медведица».

⁷ Бегиев А. М. Сёз [Слово]: Стихи. Переводы. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 53. (На карач.-балк. яз.).

⁸ Табаксоев М. Х. Чарх оюн [Игра с колесом]: Стихотворения, поэма. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 77.

⁹ Джаубаев Х. М. Кызыгъан нал [Горячая подкова]. Черкесск: Карачаево-Черкесское издательство, 1994. С. 88. (На карач.-балк. яз.).

Горы «работают» как некое информационное табло в карачаево-балкарской культуре: «в день смерти Лермонтова горы надели черную траурную одежду»¹; две вершины Эльбруса «читаются» как «близнецы-братья Балкария и Карачай»². Балкарский поэт М. Геккиев на смерть своего друга Лазаря Кокушева из Горно-Алтайска отзывается стихотворением «Рухнула скала на Алтае»³.

Мортальные мотивы. По нашим сведениям, еще никто не исследовал гачевскую концепцию «Космо-Психо-Логос» в проекции на этномаркированную эстетику смерти, нашедшую отражение в художественных текстах. Гипотетически можно предположить, что в этой сфере также обнаружится имплицитная связь скорбного часа индивида с его «природиною» (Гачев, 2003: 30). В рамках нашего исследования приведем два ярких примера из карачаево-балкарского фольклора, подтверждающих закономерность «вертикальной» физической кончины горца. «Песня-плач о девушках, сбросившихся со скалы»⁴ — так называется одно из произведений «тамерлановского цикла», где повествуется о сестрах, которые добровольно расстаются с жизнью путем низвержения в пропасть, чтобы не стать жертвами иноземных завоевателей.

Второй пример связан с эпической поэмой «Бийнэгер»⁵, где поднимается проблема экологической культуры горцев. По сюжету, молодой охотник бездумно, сверх меры истреблявший туров, в знак наказания был помещен в скальную западню языческой богиней Байдымат — заступницей диких животных. Не желая стать пищей для хищных птиц, Бийнэгер бросается вниз с горной кручи в объятия своей любимой женщины и погибает. Такого рода вертикально выстроенных мортальных сюжетов насчитывается довольно много в карачаево-балкарской художественной культуре.

Судя по последним изданиям, концепцию национальных классиков о достойном, «вертикальном» бытии поддерживают и молодые представители северокавказской литературы. Степень поддержки настолько явная, что некоторые заголовки их книг кажутся прямым ответом на призывный клич старших собратьев по перу. К примеру, «К вершинам своим я иду без оглядки»⁶ — так назвал свой поэтический сборник «поэт кавказской интернациональности» Мухамед Огузов. Биографически, профессионально и творчески связан с идеей диагональных и вертикальных восхождений профессиональный альпинист и поэт Аслан Гуртуев. За парадоксальным названием его сборника с «Надеждой в горизонт», на самом деле, кроется горвосходительский опыт человека, который многократно видел не просто вершины, но «горизонталь вершин с высоты орлиного полета»⁷.

Метой вертикали отмечены стихотворения молодой карачаевской поэтессы Ирины Узденовой «Взгляд орла», «Слезы ангела», «Гнедые альпинисты», «После Жар-птицы», «Человек с рюкзаком», «Цветы скал», вошедшие в сборник «Вечная весна»⁸. При этом молодой автор тяготеет к исповедальной, сказовой манере повествования от первого лица, от имени главного героя (орла или ангела). Такое трансбытие, связанное с самоидентификацией лирической героини с орнитогенными и теогенными образами, объясняется пространственным совпадением зоны обитания горцев и неких высших существ, небожителей. На этом фоне весьма символично звучит и название сборника экспериментальных стихотворений Дианы Рахаевой (р. 1995) — «У подножия судьбы» («Къадарны этегинде»)». В имплицитной форме в структурно-семантический комплекс заголовка уже впечатана вся этимология вертикали, начиная с инициальной точки «у подножия» и, завершая прозреваемой вершинной точкой в небесах.

¹ Мамчуева Д. Т. Лермонтову // Сюймекликни джети джолу [Семь дорог любви]. Стихи: коллективный сборник. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1985. С. 63. (На карач.-балк. яз.).

² Там же. С. 147.

³ Геккиев М. Б. Чыкьен [Арбалет]. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 21. (На карач.-балк. яз.).

⁴ Малкондуев Х. Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 48.

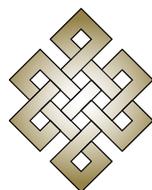
⁵ Бийнэгер. Карачаевская народная поэма. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1986. 48 с. (На карач.-балк. яз.).

⁶ Огузов М. Н. К вершинам своим я иду без оглядки (стихи, четверостишия, афоризмы). Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015.

⁷ Гуртуев А. М. С надеждой в горизонт. Стихотворения. Владикавказ: ИПК «Лиера», 2020. С. 18.

⁸ Узденова И. Ш. Вечная весна: сборник стихов. Ростов-на-Дону: Типография «D&V», 2021.

⁹ Рахаева Д. Т. Къадарны этегинде [У подножия судьбы]. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. (На карач.-балк. яз.).

Авангард. Интересны кросс-культурные сращения старого с новым, архетипического с авангардным. Первым эту традицию заложил М. Геттуев (1916–1985), который создал неологизм «космонарт», объединив древнейшую кавказскую мифологию «нарт»¹ со словом «космонавт». В 1964 г. он издал научно-фантастическую поэму «Космонарт»², посвященную полету Ю. А. Гагарина в космос.

знаком кросс-культуры отмечена и «Песня о Седьмом небе» Б. Лайпанова. Кавказский горец, временно проживающий в Москве, местом для судьбоносного свидания с любимой девушкой избирает ресторан «Седьмое небо», поскольку любовь и высота для него понятия однопорядковые»³. Балкарский поэт Муталип Беппаев, в рамках интертекста переносящий на северокавказскую почву японские формы хокку и танка, по инерции почти в каждом стихе выстраивает вертикальную линию. Вот, к примеру, его трехстишие «Лягушонок»:

На цыпочки привстав
Мошку со звезды
Достать стремится лягушонок⁴.

Исследованные нами образцы карачаево-балкарской песенной культуры, фольклорно-эпических памятников, классической и современной поэзии позволяют обнаружить императив вертикали.

Геосенситивная боль депортированного горца

Высокая степень детерминированности мировосприятия горских народов вертикальной ритмикой особенно заметна при анализе лиро-эпоса выселения. Напомним, четыре северокавказских народа (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы) в 1943–1944 гг. в результате сталинской репрессии были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Сохранились ценные в этнопсихологическом отношении фольклорные произведения, где описываются страдания спецпереселенцев на геосенситивном уровне. Приведем несколько характерных примеров.

В «Словесных памятниках выселения» запечатлена ситуация онтологического стресса кавказских горцев, которые вышли из вагонов и очутились посреди бескрайних среднеазиатских степей:

Как добрались туда, настороженно посмотрели,
Вокруг ни одного вертикального стебелька не было⁵.

В воспоминаниях Кайсына Кулиева сохранился примечательный эпизод о том, что жена поэта в условиях чужбины пытается равнинную «бесконечность» перебить посадкой в крохотном огороде «вертикальных» растений — «кукурузы и подсолнечника, чтобы создать хотя бы приблизительную видимость столь любимой горной гряды на Кавказе»⁶. Типологически сходную историю в интервью журналистам рассказала уроженка Казахстана (г. Целиноград) З. А. Кучукова (один из авторов данной статьи) о том, что любимой игрой балкарских детей-спецпереселенцев был поход на местную пилораму, где они из деревянных кубиков сооружали пирамидальные горы, «строили Кавказ»⁷.

Балкарский поэт Хамзат Батырбеков (1956–2008) своей парадоксальной фразой «Горец спотыкается в степи»⁸ весьма точно выразил внутренний дискомфорт спецпереселенца, резко и вынужденно поменявшего привычную для него физическую среду обитания. В той же мере тонко и пронзительно написано стихотворение современного карачаевского поэта Бурхана Берберова (р. 1961) «Родная скала»⁹ о фантомной опорно-двигательной памяти изнемогающего от усталости горского пастуха,

¹ Нарт — герой «Нартского эпоса», распространённого у многих народов Северного Кавказа.

² Геттуев М. И. Космонарт. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. (На карач.-балк. яз.).

³ Лайпанов Б. А. Камень и дерево: Стихи. М.: Советский писатель, 1988. С. 45.

⁴ Беппаев М. А. Повелители гор. Стихи. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2007. С. 31.

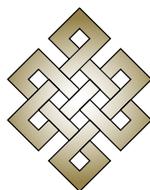
⁵ Кёчгюнчюле эсгермеси. Жырла бла назмула [Словесные памятники выселения. Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов] (1943–1957) / сост., авт. вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 171. (На карач.-балк. яз.).

⁶ Кулиев К. Ш. Страницы автобиографии // Кулиев К. Ш. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 432–460.

⁷ Битокова М. В. Этническое мировидение Зухры Кучуковой [Электронный ресурс] // Горянка (газета). 2013, 27 марта. URL: <https://smikbr.ru/arhiv/2013/goryanka/03/27.pdf>. (дата обращения 29.06.2025).

⁸ Батырбеков Х. З. Мигидау [Корзина с семенами]. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 19. (На карач.-балк. яз.).

⁹ Берберов Б. А. Журт кыя [Родная скала] // Минги тау (журнал). 2011, № 6. С. 127. (На карач.-балк. яз.).

который в среднеазиатской степи по кавказской привычке «опирается» на примерещившуюся ему горную скалу и падает оземь.

Анализ соответствующих мемуарных и поэтических источников показывает, что в трагическом мироощущении депортированных горцев, наряду с голодом, холодом, социальными ограничениями, важное место занимает боль геосенситивного характера.

Вертикальный Робинзон

Понятие «Робинзон» давно перешагнуло пределы одноименного романа¹ классика английской литературы Даниеля Дефо (1660–1731) и превратилось в архетипический образ человека, который в условиях полной изоляции от социума, среди дикой природы, пытается сохранить духовно-биологическое единство своего экзистенциального статуса. Мировая культура знает множество героев робинзонического толка. Это «Хай, сын Якзана» арабского писателя XII в. Ибн-Туфейля², американец Генри Торо (1817–1862) с его автобиографическим романом «Уолден или жизнь в лесу»³, современная отшельница Агафья Лыкова⁴ (р. 1944), ставшая героиней многочисленных очерков и видеоматериалов и др.

Среди них особое место занимает исторически достоверная личность Ахия Жангуланов (1902–2000), которого на Северном Кавказе окрестили «балкарским Робинзоном». Профессиональный историк и поэт Али Чеченов (р. 1963) на основе многочисленных документов, воспоминаний старожил и собственных впечатлений от встреч с отшельником написал «Поэму о балкарском Робинзоне» («Таулу Робинзонну хапары»⁵). Суть драматической судьбы героя заключается в следующем. В 1944 г. 8 марта, когда балкарцев силами НКВД⁶ в массовом порядке сначала на грузовых машинах, затем в товарных вагонах стали депортировать из родных мест в Среднюю Азию и Казахстан, бесстрашный солдат Великой Отечественной войны Ахия Жангуланов, находившийся после фронтового ранения в местном госпитале, умудрился бежать в верховья Главного Кавказского хребта, соорудить себе пещеру и прожить там свыше 30 лет в полном одиночестве. В 1976 г. группе волонтеров удалось вызволить его из самозаточения и деликатно вернуть в цивилизованное общество, воссоединить с семьей.

Как и всем известным в мировой культуре «Робинзонам», Ахия приходилось решать три базовые житейские проблемы, связанные с жильем, пропитанием и одеждой, пользуясь практически только ресурсами окружающей природы. Он питался мясом туров, плодами лесных деревьев, лечился лекарственными травами, проблему гигиены решал с помощью горячих источников (*Джылы-су*) и мыльного камня. Одежду шил из турьей шкуры с помощью примитивной иглы и волокнистых растений. Врожденная тяга к творчеству, сочинение стихов, вера в Аллаха, ведение «сложносочиненного» каменного календаря в совокупности помогли ему сохранить ясный, здравый ум и жизнелюбие.

Далее в рамках нашей «вертикальной» темы отметим концептуальную отличительную черту балкарского Робинзона. Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что все известные миру Робинзоны разных народов попадали в долгосрочный «асоциальный капкан» исключительно из-за того, что они в силу различных обстоятельств покидали свою Родину. Балкарский же Робинзон, наоборот, сильно рискуя жизнью, отказался покинуть родину и добровольно принял на себя «море бед». Арабский Робинзон жил среди пустынных песков, английский — на морском острове, русская отшельница — в гуще сибирской тайги, балкарский — в высокогорной пещере.

Специалистами установлено, что жилище балкарского Робинзона находится на высоте около 2500 м над уровнем моря в невероятно труднодоступном месте, куда могут добираться только высокопрофессиональные альпинисты или вертолетчики. В личной беседе с нами автор «Поэмы о

¹ Дефо Д. Робинзон Крузо: роман. М.: Художественная литература, 1987.

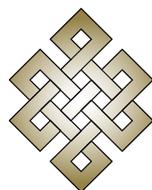
² Ибн-Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. / сост. С. Н. Григорян и А. В. Сагадеев. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. С. 329–395.

³ Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962.

⁴ Песков В. М. Таежный тупик. История семьи староверов Лыковых. М.: Азбука-Аттикус. 2024.

⁵ Чеченов А. А. Таулу Робинзонну хапары [История балкарского Робинзона] [Электронный ресурс] // Стихи.ру. 2022. URL: <https://stihi.ru/2022/12/03/299> (дата обращения 29.06.2025). (На каб.-балк. яз.).

⁶ НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.

балкарском Робинзоне» Али Чеченов рассказал о том, что в настоящее время в Министерстве культуры Кабардино-Балкарской Республики решается вопрос о преобразовании указанного объекта в «Музей человеческой стойкости и мужества».

Завершая исследование, считаем необходимым отметить, что мы не абсолютизируем «вертикаль» как аксиологическое достояние только северокавказских народов. С большой долей вероятности можно гипотетически предположить, что сходная онтологическая картина высветится у всех народов, исторически проживающих в горной местности. В рамках кавказско-шотландских топографических и литературных параллелей сразу приходят в голову следующие вертикализованные строки классика шотландской поэзии Роберта Бёрнса (1759–1796). Свидетельством тому являются его знаменитое стихотворение «My Heart in the Highlands» («В горах мое сердце»)¹ или пример его оригинальной орографической концептуализации женской соматике: «Как будто ранняя зима// Своим дыханьем намела// Два этих маленьких холма»².

Заключение

Цель данного исследования определялась необходимостью подтвердить гипотезу о миро- моделирующей функции вертикали в карачаево-балкарском культурном пространстве. Детальный, системный анализ заявленной проблемы и накопленного этнографического и художественного материала позволил сделать следующие выводы.

Методом пространственного (спатального) анализа установлено наличие в северокавказской геофизической зоне значительного количества вертикализованных объектов в виде горных пиков, скал, водопадов. Выявлена высокая степень влияния региональных орографем на формирование социокультурных номинаций (антропонимов, торговых марок, логотипов, специальных отметок в народном календаре). Установлен императив вертикали в архитектурной стилистике многочисленных артефактов материально-технического предназначения («летающие аулы», башни, сакли, очажные комплексы, террасное земледелие, инструменты для обработки шерсти, шкур и т. д.). Показано воздействие горной экосистемы на ценностную картину мира в художественных текстах, где доминантой солярных, астральных, орнитогенных образов поэтизируется вертикаль духа человека. Доказана геосенситивная сверхчувствительность северокавказских горцев к «минус-вертикали» в условиях депортации 1943–1957 гг. на примере высленческих текстов. Рассмотрен исторически достоверный образ карачаево-балкарского «Робинзона», являющегося рекордсменом среди мировых «робинзонов» по шкале адаптивности человека к экстремальным альпийским высотам (2500 м).

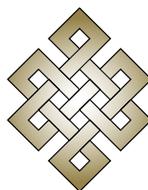
Пространственные категории «низ–верх» и аксиологема «вертикаль» обладают высоким культурообразующим и миромоделирующим потенциалом в карачаево-балкарском Космо-Психо-Логосе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аппаева, Ж. М. (2021) Запечатленное время. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр». 400 с.
- Бахтикиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е., Амалбекова, М. Б. (2023) Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. № 4. С. 226–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>
- Бернштейн, Э. Б. (1993) Архитектура балкарского народного жилища. М.: Дикси. 160 с.
- Гачев, Д. Г. (1995) Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока...). М.: ДИ-ДИК. 496 с.
- Гачев, Г. Д. (2003) Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо. 544 с.
- Замятин, Д. Н. (2010) Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9. № 3. С. 26–50.
- Караева, А. И. (1966) Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. 319 с.
- Котлярова, М. А., Шогенова, Ж. А. (2006) Живописная Кабардино-Балкария: занимательные путешествия с авторами и героями книг по республике, которую называют жемчужиной Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т). 436 с.
- Кучмезова, Р.А. (2012) Балкария: лики, знаки, тексты: Эссе и статьи Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»). 288 с.

¹ Бернс Р. Роберт Бернс в переводах С. Маршака. М.: Правда, 1979. С. 29.

² Там же. С. 80.

- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.
- Митин, И. И. (2004) На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. № 3. С. 140-161.
- Султанов, К. К. (2022) Последний дагестанский европеец: ностальгический миф в прозе и живописи Халилбека Мусаясула // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 2. С. 175–192. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-2-175-192>
- Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

Дата поступления: 22.08.2025 г.

Дата принятия: 16.10.2025 г.

REFERENCES

- Appaeva, Zh. M. (2021) *Captured time*. Nalchik, Print Tsentr Publishing House. 400 p. (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M., Shagimgereeva, B. E. and Amalbekova, M. B. (2023) Cognition of ourselves through understanding the culture of our own ethnos. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 226–236. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>
- Bernshtein, E. B. (1993) *Architecture of the Balkar traditional dwelling*. Moscow, Diksi. 160 p. (In Russ.)
- Gachev, D. G. (1995) *Life with thought. The book of a happy man (for now...)*. Moscow, DI-DIK. 496 p. (In Russ.)
- Gachev, G. D. (2003) *Mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Eksmo Publishers. 544 p. (In Russ.)
- Zamyatin, D. N. (2010) Humanitarian geography: space, imagination and interaction of contemporary humanities. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 9, no. 3, pp. 26–50. (In Russ.)
- Karaeva, A. I. (1966) *An essay on the history of Karachay literature*. Moscow, Nauka. 319 p. (In Russ.)
- Kotlyarova, M. A. and Shogenova, Zh. A. (2006) *Picturesque Kabardino-Balkaria: fascinating journeys with the authors and characters of books across the republic called the pearl of the Caucasus*. Nalchik, M. and V. Kotlyarov Publishing House (Poligrafservis i T). 436 p. (In Russ.)
- Kuchmezova, R. A. (2012) *Balkaria: faces, signs, texts: Essays and articles*. Nalchik, M. and V. Kotlyarov Publishing House (Poligrafservis i T LLC). 288 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The national character of the Tuvans*. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 240 p. (In Russ.)
- Mitin, I. I. (2004) On the way to the mythogeography of Russia: “games with space”. *Vestnik Evrazii*, no. 3, pp. 140–161. (In Russ.)
- Sultanov, K. K. (2022) The last Dagestani European: the nostalgic myth in the prose and painting of Khalilbek Musayasul. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 19, no. 2, pp. 175–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-2-175-192>
- Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) Ambivalent myth of Tuva in the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 61–75. (In Russ.)

Submission date: 22.08.2025.

Acceptance date: 16.10.2025.